

Алексей ГОЛИЦЫН

ДВОРЯНИН ЮСТИЦКИЙ И БЕСПРИЗОРНИК ГОРШЕНИН
Несостоявшийся побег из Саратова через афганскую границу

В середине декабря 1934 года в Саратовское управление НКВД на ул. Дзержинского поступило заявление о подготовке к преступлению против советской власти.

«Посещая квартиру известного мне скульптора-художника Горшенина Никол<ая> Петрович<а> по Ленинской улице в доме № 125 я несколько раз заставал у него каких-то неизвестных мне лиц называвших себя студентами вентеренарного института Спиваком, Минеевым, и Пигаревым.

Они вели между собой контр-революц<ионные> разговоры. Один из них Спивак высказывался за необходимость убийства вождей партии. Они же сговаривались для каких-то контр-революционных целей нелегально бежат<ь> за границу и пытались в это вовлечь меня. Прошу принят<ь> меры к этим врагам СовВласти»¹.

Рукописный текст не датирован, но дважды подписан: «Юстицкий. Мой адрес Гоголевская 97 кв 2. Юстицкий В.М.».

К моменту написания этого заявления художник Юстицкий находился в фаворе. За несколько недель до событий, 26 октября 1934 года саратовский крайком выдвинул его во всесоюзный оргкомитет художников и направил в отдел культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б) следующую характеристику:

«Гов. Юстицкий Валентин Михайлович имеет производственный стаж художника и педагога 17 лет. Среди художников Саратова считается одним из талантливых и культурных художников и пользуется авторитетом среди художников и студентов художественного техникума. Принимал участие в заграничных и московских выставках, имеет ряд ценных работ. Ведет педагогическую работу в художественном техникуме, активный общественник. Работает в качестве члена Оргкомитета художественной выставки»².

Скульптор Николай Горшенин, приглашавший гостей, по иронии судьбы, в будущий Дом художника, напротив, имел основания для недовольства властью. Его карьера достигла пика в 1932 году, когда горсовет доверил ему сделать памятник борцам революции. Проект уже был принят, газета анонсировала открытие монумента к 15-й годовщине революции, но что-то пошло не так, и предыдущий деревянный памятник, на месте которого должно было быть установлено произведение Горшенина, продолжал ветшать на центральной площади Саратова. Скульптор, ваявший ранее композиции «Звуки», «Ветер», а также бюсты Сталина, жил теперь, по собственному признанию, «частными заказами госучреждений и лиц».

Биография его нестандартна.

Николай Петрович Горшенин родился 9 мая 1904 года в Покровской слободе, родителей не помнил, беспризорничал. В 1919 году вступил в комсомол и отправился на фронт вестовым штаба 4-й армии. Служил конвоиром в Одессе, причем попал под трибунал за пьянство и продажу поясного ремня. Недолго был курсантом 12-й Ульяновской краснознаменной пехотной школы. В 1924-м демобилизовался, с 1925-го учился в Саратовском художественном техникуме и в 1930-м окончил Одесский художественный институт. Стал скульптором, вернулся в Саратов, участвовал в выставках, получал заказы, не бедствовал, нанял подмастерья.

¹ Здесь и далее цитируется уголовное дело ОФ-35155.

² ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Ед. хр. 161. Л. 112.

Женился на бывшей воспитаннице детдома на 10 лет моложе себя, получил квартиру в шикарном доме на центральной улице Саратова и зачем-то поселил у себя трех юнцов, выгнанных из ветеринарного института.

В начале декабря 1934 года в гости к Горшенину стал заходить «профессор живописи», как он представлялся, Валентин Юстицкий. Что объединяло 41-летнего дворянина Юстицкого, 30-летнего беспризорника Горшенина и первокурсников-ветеринаров, непонятно. Однако в компании часто выпивали и вели такие разговоры, что в конце концов Юстицкий решил не ждать, пока его арестуют, а самостоятельно пойти в НКВД. В противном случае ему грозила уголовная статья за недонесение.

20 декабря Юстицкого допрашивал начальник IV отделения секретно-политического отдела УНКВД Лихачевский.

«Горшенина я знаю несколько лет. Он бывший беспризорник. По профессии скульптор-художник. Его политические убеждения мне до последнего времени были не известны. Спивака, Минеева и Пигарева – студентов Ветеринарного Института, как они себя называли, я не знал совсем. Познакомился с ними в квартире Горшенина в первых числах декабря 1934 года. Наше знакомство началось с того, что Горшенин, отрекомендовав мне Спивака, Пигарева и Минеева как хорошо ему знакомых приятелей, просил, чтобы я достал для Спивака и Пигарева, через какого-либо знакомого врача справки о том, что они больны малярией в течении целого месяца с ноября по декабрь. Я на это ответил, что такие справки врач, не видя больных, не даст. Я никакой помощи в том им не оказал. По приглашениям Горшенина, цель которых стала для меня ясной только впоследствии, я в течении декабря с/г посетил его несколько раз – 4 или 5.

4 декабря я, будучи у Горшенина, спросил его: думает ли он ваять Кирова. Горшенин ответил утвердительно, а воспользовавшийся этой темой разговора Спивак заявил: «Сегодня у всех траур, а у нас радость» и тоном сожаления добавил: «Мы думали, что уже Сталин лежит, а оказывается только Киров. Надо всех убивать и в первую очередь Сталина».

Это злобное, гнусное К<онтр>-Р<еволюционное> заявление Спиваком было сделано в присутствии Горшенина, Пигарева, меня Юстицкого и жены Горшенина – Нины, находившейся в комнате. Меня ошеломило такое заявление Спивака. Я тут же сказал присутствовавшим о недопустимости таких контрреволюционных заявлений, сказал, что за такие намерения привлекают к ответственности. И при этом спросил Спивака, который рекомендовал себя комсомольцем: “Как же вы комсомолец, а имеете и заявляете о таких намерениях?” На это Спивак ответил: “Ну и что же, я комсомолец, а смотрел, как я думаю” От Горшенина я вышел одновременно с Спиваком. Куда он направлялся, я не знаю, но пошел по пути со мной. Дорогой Спивак опять мне заявлял, что существующие условия в жизни в СССР нужно изменить, что для этого необходимо убрать – уничтожить руководящее ядро партии и советского правительства, что только тогда будет лучше. Тут же он мне говорил, что с такими убеждениями он не один, что у него есть единомышленники. Что он имеет возможность достать оружие. Что в случае какой-либо неудачи, он легко может нелегально перебраться в Румынию не только сам, но и помочь своим единомышленникам. В выходной день примерно дня через два, т.е. 6 декабря я зашел к Горшенину. Дома оказался сам Горшенин, его жена Нина, ученик Горшенина Сибикеев Михаил и названные мной студенты Спивак, Пигарев и Минеев. Я начал обсуждать с Горшениным вопросы его работы, а Спивак и Пигарев в это время, взяв тетрадь Горшенина, писали в ней фамилии членов правительства и контрреволюционно объясняя значение каждой буквы. Я, возмущившись этим, вырвал у них тетрадь, а Горшенин, взяв её у меня, вырвал лист, на котором они писали, и уничтожил его.

Спустя несколько дней, семь или восемь, кажется 14 декабря меня Горшенин пригласил зайти к нему. Я пришел перед вечером. <...> В разговоре Спивак стал

говорить, что он родился в Галиции, что в 1933 году он был за границей в городе Вильно, где пробыл две недели, что он нелегально несколько раз переходил границу. Рассказал, как это делалось. Подробности я хорошо не помню. Затем Минеев сказал, что он тоже был за границей, что он якобы нелегально уходил в Афганистан, имея при себе много золота. И Спивак, и Минеев расхваливали жизнь за границей и заявили, что они намерены вновь бежать за границу и совместно с Горшениным стали уговаривать меня присоединиться к ним. Я категорически отказался, обругал их и отозвав Горшенина в его мастерскую, устроенную в теплом коридоре, стал ему упрекать в том, что он связался с какими-то неизвестными, крайне подозрительными и явно контрреволюционными типами.

Горшенин ответил мне, что этих людей он знает хорошо и им доверяет. Поняв, что меня хотят вовлечь в какую-то контрреволюционную авантюру, я оделся с тем, чтобы уйти. Тогда Минеев и Спивак начали меня предупреждать, чтобы о происшедшем я нигде ни слова никому не сказал, угрожая в противном случае убийством.

Встретив на улице, на второй или на третий день после этого, Горшенина, я, пользуясь тем, что он один, еще раз пытался указать ему на недопустимость его поведения. Я ему говорил: "Ты советский скульптор, советская власть дала тебе знания, положение. Ты можешь создать себе известность, уже начал создавать. Что тебе делать за границей, зачем тебе связываться с какими-то преступниками и т.п." Говорил, что даже сам нелегальный переход границы, по-видимому вещь не такая простая, чтобы это можно было бы легко и безнаказанно сделать. Но Горшенин в ответ на это мне заявил, что им нужно бежать за границу, что там они будут жить не хуже, чем в Советском Союзе, что Спивака, Минеева и Пигарева он знает, как опытных людей в этом деле».

25 декабря арестовали и скульптора Горшенина с женой, и трех живших у них студентов.

Горшенин сразу же стал рассказывать о планах бегства за границу, и чем они были вызваны:

«Я был связан с Спиваком Петром, Минеевым Алексеем и Пигаревым Александром студентами Саратовского Ветеринарного института. Основой нашей связи была общность антисоветских взглядов. [Они заключались] в стремлении жить по-буржуазному, а у отдельных из нас в частности Спивака Петра в резко выраженном контрреволюционном отношении к соввласти – ярким показателем этого является одно из заявлений Спивака Петра сделанное среди нас: "Надо уничтожить всю руководящую головку, тогда будет лучше". Это относилось к вождям компартии и совправительству.

<...>

В первых числах Декабря м-ца с/года, в моей квартире, по Ленинской улице в доме № 125 Спивак Петр и Минеев Алексей подняли вопрос об организации бегства из СССР. Намерение это ими видимо обсуждалось еще раньше, т.к. подняв об этом вопрос Минеев Алексей и Спивак Петр сразу же начали излагать план перехода границы. По их плану нам необходимо было собрать около ста тысяч /100000/ рублей денег с тем чтобы обменять их на золото, достать оружие и выехать всем в г. Кушка, Туркменской ССР, в районе которой совершить переход границы. Минеев говорил, что совзнаки на золото можно будет обменять через какого-то ему известного контрабандиста, живущего в Афганистане и занимающегося переброской контрабанды из Афганистана в СССР и обратно. После перехода границы мы должны были издать брошюрку с провокационными сообщениями о СССР.

На мое замечание, высказанное в момент осуждения этого плана, а если нас во время перехода границы поймут, то ведь расстреляют, Спивак ответил: "Ну и что же, пусть расстреляют".

Я, вначале колебаясь дать согласие на их предложение, спросил: “А как к нам отнесутся за границей”.

Минеев меня успокоил, заявив: “пустяки они будут гордиться тем, что из Советского Союза бегут художники”».

На допросе также выяснилось, на какие средства заговорщики планировали перебраться через границу. Еще до переезда к скульптору Спивак, Минеев и Пигарев похитили из конторы Зернотреста две пишущие машинки, чтобы продать их в Астрахани за 30 тысяч рублей. Плюс Горшенин рассчитывал выручить за свои скульптуры 12 тысяч. *«Недостающую сумму мы должны были получить путем совершения грабительских налетов на Урале и в Туркмении»,* – записано в протоколе допроса Горшенина.

О пишмашинках студенты узнали от Алексея Минеева, чья мать работала машинисткой в Зернотресте. Он же, вероятно, предложил бежать из страны через южную границу, т.к. летом 1932 года ездил к отцу в Ташкент и прожил у него месяц.

«Взяв карту, мы определили целесообразным организовать нелегальный переход границы в районе одного из городов, расположенных на афганской границе. С целью получения средств, я внес предложение похитить пишущую машинку в Саратовской конторе Зернотреста. Я Минеев, Спивак и Пигарев совершили покражу, но не одной, а двух пишущих машинок», – зафиксировано в протоколе допроса Минеева.

«Первоначально возникшую мысль о переходе западной границы СССР, мы отвергли по настоянию Спивака, доказывавшего, что западная граница СССР тщательно охраняется и нелегальный переход ее немыслим. Мы решили совершить нелегальный переход Юго-Восточной границы СССР в сторону Афганистана, считая, что в этом отношении она представляет больше возможностей, как якобы менее бдительно охраняемая», – через несколько дней подтвердил ранее сказанное Минеев.

Во время следствия также выяснилось, что никто из заговорщиков никогда не был за пределами СССР, за исключением разве что Юстицкого, который родился в Вильно, учился в Париже и жил в Берлине и Вене.

Алексей Минеев признался, что *«за границей я нигде не был, но признаю, что на квартире Горшенина – ему, Спиваку и Пигареву в момент обсуждения плана организации нелегального перехода границы, я говорил, что будто бы был в Афганистане, границу которого нелегально переходил при содействии одного знакомого мне контрабандиста, с которым якобы познакомился в г. Ташкенте. В Ташкенте же я действительно был в 1932 г. Это обстоятельство способствовало тому, что нелегальный переход границы, мы решили совершить именно в сторону Афганистана в районе г. Кушка, в местности мне якобы уже известной. Тем более, что Пигарев Александр говорил, что он также хорошо знает окрестности города Кушка».*

Александр Пигарев, бывший комсомолец, отчисленный из ветинститута за прогулы, дал характеристику подельникам:

«Горшенин мне известен, с его слов, как бывший беспризорник, он старался завоевать авторитет у руководящих работников края. Для отдельных учреждений делал сравнительно за недорогую плату скульптурные работы.

Минеев Алексей – способный в академической успеваемости студент. На подготовительных курсах в ВУЗ был старостой группы. Как-то летом текущего года говорил мне что плохо живет с семьей, состоящей из его матери и неродного отца и какой-то старухи. Подробности своих неполадок в семье он не рассказывал.

Спивак Петр – непонятный для меня замкнутый человек. До последнего времени <...> он не нуждался в средствах, т.к. у меня не было денег, он оплачивал все мои расходы и записывал их в свою записную книжку. <...> Спивак, резко критикуя наше неважное материальное положение, упрекал меня и Минеева в том, что мы не умеем жить и при том высказываемся о стремлении попасть за границу. В такого рода обсуждениях принимал активное участие и поддерживал Спивака Минеев, говоривший,

что он якобы однажды уже был за границей в Афганистане. Перспективами более лучшей жизни они предложили мне бежать вместе с ними за границу. Я на это дал свое согласие».

Со слов Пигарева выходило, что идеологом группы был Спивак:

«Я, Пигарев, до знакомства моего с Спиваком не был антисоветским человеком. В процессе знакомства с ним, он в ряде бесед о положении в СССР доказывал мне, что при советской власти свободы личности нет и хорошо жить невозможно. Роскошно жить можно только за границей. Впоследствии на этой почве я уже разделяя К.Р. убеждения Спивака, согласился на его предложение принять участие в К<онтр>-Р<еволюционные> работе. Предложение Спивака сводилось к тому, что нам необходимо бежать за границу, с тем, чтобы там начать К<онтр>-Р<еволюционную> деятельность, направленную против СССР. Спивак в квартире Горшенина Николая Петровича говорил: “Перейдем границу, явемся там к властям, заявим о том, что нам Советский строй ненавистен, и предложим свои услуги использовать нас для борьбы с ним”».

Арестованная жена Горшенина Нина Сергунина объяснила, откуда в переполненной коммуналке, где, кроме них с мужем, жили ее мать и сестра, взялись отчисленные студенты. Пигарев работал в жилотделе при горсовете и, вероятно, каким-то образом способствовал семье скульптора в получении квартиры.

По словам Сергуниной, студенты «на занятия в институт не ходили и говорили, что у них сейчас отпуск и занятий нет». Жена Горшенина вспомнила день, когда к ним домой пришел Юстицкий: *«13 декабря была устроена выпивка, на которой присутствовали: Горшенин, Спивак, Пигарев, Алексей, профессор-художник Юстицкий и я. Алексей рассказывал о том, как он был за границей и хорошо там жил один месяц. Алексей сказал, что он и Спивак собираются поехать за границу и начали вместе уговаривать Горшенина и Юстицкого ехать с ними за границу. Юстицкий к такому предложению отнесся со смехом и назвал их глупцами».*

Нина уточнила, что у Минеева была кличка Алешка Тайфун, и все трое студентов «играли в лото, в карты, раза три устраивали выпивки, практиковались метанием ножа в дверь и иногда хулиганили». А также чистили пишмашинки, запирая при этом двери и запрещая хозяевам квартиры рассказывать об увиденном. Чистить хрупкие механизмы пришлось потому, что при переезде в квартиру Горшенина студентов остановил милиционер и поинтересовался, что они несут. Напуганные похитители утопили пишмашинки в дворовом сортире, а затем несколько дней подряд приводили их в товарный вид.

Конспираторы они были никудышные, поскольку об украденных машинках узнал даже подмастерье скульптора 16-летний Михаил Сибикеев. Он же рассказал чекистам, что студенты называли Николая Горшенина кличкой Колька Шабарша.

Следствие закончилось. Горшенин, Спивак, Минеев и Пигарев обвинялись в подготовке побега за границу. Им вменялись статьи 58-11 и 58-11 «а» УК РСФСР (всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений).

Сергунина, по версии следствия, «знала о подготовке указанных лиц к совершению этого преступления и укрывала последних, что подпадает под признаки ст. 58-12» (недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершённом контрреволюционном преступлении).

11 мая 1935 года в клубе им. Дзержинского началось судебное заседание, которое длилось с перерывами два дня.

Трое «студентов» признали себя виновными в хищении пишущих машинок, Пигарев – в том, что вел разговоры о поездке за границу, Спивак – в том, что не донес об антисоветских разговорах. Горшенин признался, что «скрыл воров», а его жена – единственная – вины не признала.

На суде Минеев вспомнил, что «во время выпивки Юстицкий стал рассказывать, что он родился в г. Вильно, бывал за границей. Спивак на это сказал, что он тоже был за границей. Спьяну я сказал, что тоже был за границей и весь вечер рассказывали друг другу, кто как жил за границей. Никто, конечно, этот разговор всерьез не принимал, никаких планов перехода границы мы не обсуждали. Выражаясь попросту, только “трепались” – и все. Был еще один случай разговора на эту же тему, но говорили о жизни за границей вообще и никаких конкретных планов перехода границы не обсуждали, никаких мотивов и причин для побега за границу у нас не было и мне казалось, что никто этих разговоров всерьез не принимал, средств на это не изыскивали».

Отвечая на вопросы членов трибунала, Минеев еще раз повторил: «Разговор о загранице первым начал Юстицкий, он говорил, что там хорошо живется, а затем этот разговор был подхвачен остальными. У кого первого возникла мысль побега за границу – не знаю, считаю, что никто всерьез переходить границу не собирался. Это было просто пьяная болтовня, разговор велся бесцельно и безотносительно. Что бы мы стали делать за границей, об этом разговора не было. Спор о том, какая граница лучше охраняется восточная или западная был, но это совсем не связывалось с вопросом перехода границы, я действительно в момент разговора подходил к карте, но не затем, чтобы показать, где перейти границу, а показывал, где я жил за границей. На самом деле я не жил там – это только болтовня пьяного человека и хвастовство».

Пигарев: «Горшенин мне говорил в этот момент, что надо сказать ребятам, что бы они бросили болтать о загранице, а то узнает НКВД и могут подумать, что тут на самом деле что-то есть серьезное. Позднее в разговорах в пьяном виде Минеев говорил, что он жил в Афганистане, встречался там с турчанками и англичанками, ухаживал за ними. Я лично не придавал этому никакого значения, зная, что Минеев вообще любитель похвастать. Разговор о Кушке был, потому что я жил в Кушке в интернате. Никакого плана перехода границы у Кушки мы не намечали».

Антисоветские проявления отрицал и Горшенин:

«Я говорил Спиваку, Пигареву и Минееву – “Ребята, бросьте разговор о загранице”, – всячески старался их от этого удержать. “Уж если вам хочется за границу, заплатите по 50 коп. и поезжайте в Немреспублику”.

Спивак был действительно сложная фигура, его трудно было разгадать. Он говорил, что у одного старателя на Урале есть 6 пудов золота, это золото надо достать. <...> Был такой случай, когда Спивак на листе бумаг напаса́л фамилии СТАЛИНА и ВОРОШИЛОВА и стал их расшифровывать в контрреволюционном смысле. Я у него эту бумажку вырвал и предложил ему убраться с квартиры. Когда читали газету об убийстве КИРОВА, Спивак сказал – “Мало их бьют” – Это все, что я слышал от Спивака.

У меня на квартире была выпивка, где присутствовали я, Спивак, Юстицкий и Минеев. Во время выпивки Юстицкий завел разговор о Вильно, Англии; разговор этот подхватили остальные и с этого началось. Начали говорить, что бывали за границей Минеев, Спивак. Цель и задач о переходе границы мы не ставили и за границу бежать не собирались».

Николай Горшенин простодушно рассказал судьям о сделке со следствием, и удивительно, что эти сведения также попали в протокол: «То, что записано в показаниях, этого на самом деле не было. Это уловка следователя. Следователь рекомендовал давать ему эти показания для разоблачения кулака Спивака. Для этой цели я и давал эти показания. Я считал, что это моя обязанность, тем более, что следователь относился ко мне хорошо. Когда у меня не в чем было ходить, он дал мне туфли, которые сейчас на мне. Следователь мне даже обещал дать свидание с женой. В свою очередь, я шел следователю на уступку. Так, мы долго с ним рядились по вопросу о том, сколько я обещал денег на цели побега за границу, и сошлись на 12 тысячах рублей. На самом деле, я никаких денег давать не собирался».

Горшенин счел нужным пояснить свою гражданскую позицию: «Я заверяю трибунал, что никогда за границу бежать не собирался. Мне нечего там делать. А если бы мне надо было поехать за границу, я мог это сделать официальным путем, мне правительство Немреспублики давало заграничную командировку как художнику. Я выращен, воспитан и выучен советской властью и Красной армией, и никогда мои действия не были направлены против советской власти. Все мои произведения были направлены на борьбу с классовым врагом на пропаганду идей социализма, в искусстве я стою на точке зрения социалистического реализма и веду беспощадную борьбу с футуристами».

Очередь давать показания дошла до Валентина Юстицкого лишь вечером:

«Зайдя однажды на квартиру Горшенина, с которым я давно знаком, застал там выпивающими Горшенина, Спивака и Минеева. Во время этой выпивки они завели разговор о том, что они собираются перейти границу. Разговор носил резко контрреволюционный характер. Было это вскоре после убийства тов. Кирова. Наиболее остро в этом разговоре вел себя Спивак. Все они, т.е. Горшенин, Спивак и Минеев собирались совершить побег за границу. Когда же разговор зашел об убийстве тов. Кирова, Спивак сказал “надо и других вождей партии убить”.

Из их разговоров я заключил, что они предлагают и мне вместе с ними бежать за границу. После этих разговоров я стал говорить Горшенину: “Одумайся, на что вы решаетесь”. Горшенин мне ответил, что он знает этих людей и знает, что делает.

Разговор о переходе границы был не один раз, но подлинные их планы мне известны не были. Слышал, что они для этой цели изыскивают средства. <...> По общему тону их разговора я заключил, что у них были серьезные намерения и держались они в этом отношении конспиративно. Верно, разговоры большей частью происходили во время выпивки, но сами выпивки были умеренными, и компания себя вела строго. <...>

С Горшениным я знаком лет 7-8. Раньше за ним ничего контрреволюционного не замечалось, по своим политическим взглядам он вполне советский человек и его последний поступок, связь с этой подозрительной группой людей – для него нехарактерен. Что творчество вполне советское и ярко-агитационного направления и содержания. Для меня кажется очень странным, как Горшенин мог впутаться в это дело. Жил Горшенин то очень шикарно, то слишком бедно, часто выпивали, а когда выпивал, то едва ли разбирался в компании, хотя определенно об этом сказать не могу. <...>

Конкретно они мне не предлагали ехать с ними за границу, а говорили, что такой художник как вы за границе был бы ценен. Я это понял, как приглашение ехать вместе с ними. Вначале я к этому отнесся как к шутке, а позднее понял, что это не шутка. <...>

С Горшениным я дружил, как с человеком живым, общительным и всегда считал, что он способен делать ценные и хорошие в смысле художественном вещи. В то же время недостатком его считал его малый кругозор, отсутствие работы над собой. Он даже не читал художественной литературы. <...> При правильном направлении в работе из Горшенина выйдет хороший и способный художник».

В результате Спивак был признан виновным в контрреволюционной агитации. Горшенин, Пигарев и Минеев – в недоносительстве на Спивака. И кроме того, Спивак, Пигарев и Минеев – в краже имущества из государственного учреждения. Сергунина была оправдана.

Спивак получил 6 лет лишения свободы, Минеев – 4 года, Пигарев – 3 года. Горшенин был приговорен к 1 году и 4 месяцам лишения свободы, но в итоге, с учетом отбытого – к исправительно-трудовым работам сроком 10 месяцев и 9 дней с оплатой 80% заработка.

Спивака, Минеева и Пигарева оставили в тюрьме, а Горшенина выпустили под подписку о невыезде.

Валентин Юстицкий был уволен из художественного техникума еще 30 января 1935 г. «За систематические прогулы (первый квартал 52 часа), срыв производственной

программы, за игнорирование административных распоряжений, за злостное умышленное игнорирование общественной работы (нежелание участвовать в пед<агогических> совещаниях, заседаниях). За разлагающую работу среди студенчества, пьянку и втягивание студентов, тов. Юстицкого снять с работы преподавателя живописи», – говорилось в приказе за подписью В.И. Никитина³.

Через 10 лет, в «Заметках об училище»⁴ Никитин написал об истинных причинах увольнения Юстицкого: «Формализм, другие измы, богема процветали в то время в училище. Учебы серьезной не было, а было натаскивание, вкусовщина. Была ставка на мастера, хотя это ничем не обеспечивалось: ни программами, ни постановкой педагогического процесса, ни методами воспитания. Авторитеты художников-классиков не существовали, их не признавали, будь он русский, француз, итальянец любого века. Репина Юстицкий называл иллюзионистом и т.п. <...> Представители педагогического коллектива поддерживали идеологическую направленность «Искусство для искусства», «Искусство беспартийно и т.п.» (Уткин, Юстицкий). И так было до 1930 года. <...> Оказавшись у небольшого руля, я принял следующие меры: 1) стал создавать более или менее здоровый, квалифицированный коллектив педагогов. Для этого настоял на приглашении в училище Щеглова И.Н., закреплении Белоусова и обязательном введении общеобразовательных дисциплин <...> 2) Добился введения школьного режима <...> и даже ввел звонки (что крайне возмущало Юстицкого) <...> Переходить к этому было очень трудно, так как заражены были измами, левизной не только педагоги (Юстицкий, Егоров и др.), но и целое поколение учащихся».

Чем Юстицкий занимался после января 1935 года – пока не установлено. 3 октября в газете «Коммунист» появилась заметка о том, что «Саратовский краевой санаторно-курортный трест приступает к художественному оформлению курортов края. Организована специальная бригада художников под руководством худ. В.М. Юстицкого... Вся предварительная работа должна быть проделана в течение зимы с таким расчетом, чтобы художественное оформление было закончено к началу курортного сезона 1936 года». Однако известно, что Юстицкий покинул Саратов в 1935 году и переехал в Каширу.

Встречались ли после суда дворянин Юстицкий и беспризорник Горшенин, неизвестно.

Как сложилась судьба осужденных «студентов», не смогла выяснить и Саратовская областная прокуратура, которая реабилитировала их в общем порядке в 1993 году.

Памятник, установленный в центре Саратова на братской могиле жертв революции, надолго стал головной болью для местных властей. В первую годовщину переворота, 7 ноября 1918 года, над кирпичным склепом установили деревянный обелиск с тремя винтовками и шлемом на вершине. Захоронения там производились с 26 мая 1918 до 21 мая 1921 года. Тогда памятник находился недалеко от задней стены Радищевского музея.

Монумент по проекту Горшенина, как мы помним, в ноябре 1932 года так и не был воздвигнут.

«Могилы борцов революции на площади Революции никем не охраняется. Венки растащены. Склеп превращен в притон “шпаны”. Такое позорное отношение к памятнику революционерам нетерпимо. Нужно немедленно обеспечить охрану могилы и сурово наказать людей, допустивших безобразие», – писала газета «Саратовский рабочий» 4 ноября 1932 г.

Весной следующего, 1933 года «президиум горсовета предложил... в 5-дневный срок привести в порядок памятник и сквер и обеспечить ежедневную уборку сквера.

³ Никитин Владимир Ильич (1896–1960-е?) – с 1923 г. педагог, с 1928 г. – завуч Саратовского художественного училища. Член Союза художников с 1939 г.

⁴ ОХАМ СГХМ им. А.Н. Радищева. Ф. 369. Оп. 2. Ед. хр. 160. Л. 119-120.

Лесопарковый комбинат разбивает вокруг памятника газон. К первому мая сквер будет освещен. В сквере установлен круглосуточный пост милиции»⁵.

В мае 1934 г. горсовет объявил новый конкурс на памятник, на этот раз с участием «комиссии красных партизан и красногвардейцев». И опять ничего не вышло. Деревянная конструкция продолжала ветшать и рассыпалась в 1935 году. На ее месте долго лежала каменная плита, которая исчезла при строительстве бомбоубежища под площадью Революции. Современный памятник работы скульптора В.И. Перфилова был открыт лишь 7 ноября 1957 года.

Рядовой Николай Горшенин ушел на фронт 5 сентября 1941 года. Стрелок был призван Кировским райвоенкоматом в команду № 350, и дальнейшая судьба его неизвестна. Жена не получила от него ни одного письма. В 1951 году военком сообщил Нине Сергуниной: *«Считаю возможным учесть Горшенина Николая Петровича пропавшим без вести в ноябре 1941 года».*

⁵ Саратовский рабочий, 27 апреля 1933 г.